

Красный Архив

том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К77

К77 Красный Архив: том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 445 с.

ISBN 978-5-517-92873-3

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1922 года.

ISBN 978-5-517-92873-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

От редакции.

Девизом „Красного Архива“ мог бы быть афоризм: „нет ничего тайного, что не сделалось бы впоследствии явным“.

Его основная задача — разоблачение тайн империалистской политики и дипломатии.

Как ревниво оберегаются эти тайны в буржуазных государствах, показывают сроки, установленные для опубликования подлинной дипломатической переписки в различных высоко „культурных“ странах: во Франции, например, пятьдесят лет. В Англии, кажется, еще дольше — по крайней мере, подлинный текст „Синей Книги“ о польском восстании 1863 года увидел свет благодаря случайности: собственный экземпляр лорда Росселя, где документы были воспроизведены целиком, оказался в руках Краковского университета, который, руководясь националистическими польскими интересами, не стал выжидать установленных в Англии сроков. По однородным причинам увидели свет и документы мексиканской экспедиции Наполеона III: они попали в руки мексиканского правительства, и оно, опять таки, не сочло нужным считаться с французскими сроками.

Чтобы разоблачить все дипломатические тайны, скрывающиеся в русских архивах до последнего дня, нужна была революционная власть и ее органы: оттого и это издание, как все творения революционной власти, начиная с Красной Армии, заслуживает названия „Красного Архива“.

Предпринимая эту задачу, Центрархив продолжает, без перерыва, ту работу, которую взяла на себя Октябрьская революция с первой минуты, — выполняет долг, который рано или поздно нужно было уплатить. Подробные пояснения к каждой серии печатаемых „секретных документов“ будут напечатаны при них, в виде предисловия и комментариев.

Параллельно с этою своею главной задачей „Красный Архив“ не уклоняется, конечно, и от обычной функции подобного органа — опубликования вообще документов, представляющих исторический или историко-литературный интерес. Так, в первой же книжке читатели найдут новые материалы из переписки Ф. М. Достоевского. В распоряжении редакции

имеется также несколько дневников большого исторического значения: в одной из ближайших же книжек будет напечатан большой отрывок из чрезвычайно любопытного дневника бывшего военного министра А. Н. Куропаткина (1902—1904 гг.). Далее, имеется в виду опубликовать дневник бывшего государственного секретаря Половцева, переписку Победоносцева с Александром III и т. п.

В общем, печатая и этого рода недипломатические материалы, редакция „Красного Архива“ будет верна своему девизу, освещая тот период русской истории и те стороны этого периода, которые ближе всего к нам по времени—и окутаны наиболее густым покровом легенды. Ошибочно мнение, будто легендарна только „древнейшая история“: в новейшей—легенд не меньше... Разоблачать эти легенды вчерашнего дня—дело не менее полезное для науки, чем „рыться в хронологической пыли бытописания земли“.

РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Секретные документы.

Предисловие М. Н. ПОКРОВСКОГО.

- 1) 1873 г.
  - 2) Рейхштад.
  - 3) Беседы Сабурова с Бисмарком 1879 г.
  - 4) Беседы Шувалова с Бисмарком 1887 г.
  - 5) Тексты конвенций 1881, 1884 и 1887 г.г.
  - 6) Проект захвата Босфора в 1897 г.
  - 7) 1914 г.
-

ПРЕДСЛОВИЕ.

Настоящим собранием документов Центральный Архив Р. С. Ф. С. Р. начинает серию публикаций, которые дадут возможность восстановить пролог империалистской войны 1914—1918 гг. Было бы, конечно, величайшей наивностью считать таким прологом дипломатическую переписку, ведущуюся главными кабинетами Европы в июле месяце 1914 года. Именно в расчете на наивность публики эта переписка и выдвигалась вперед в различных „синих“, „желтых“, „оранжевых“ и иных цветов книгах. Это было необходимо, чтобы уверить простодушных людей, что война была чем-то столь же выходящим из нормы, как преступление в общегражданском быту. Годами тщательно охраняли мир—и вот, по вине такого и такого-то (имена „виновников“ менялись в зависимости от того, из какого лагеря исходила та или другая публикация) полилась кровь...

На самом деле годами готовились к войне. Годами собирали горючий материал, чтобы бросить в него спичку в тот момент, когда ветер потянет на соседа. Но делали это тайком, под величайшим секретом—ниже читатели найдут, как образчик, одну конвенцию, о существовании которой на земном шаре знали всего *шесть* человек. О другой конвенции (тоже нами воспроизводимой), хотя она впоследствии просочилась—таки в газеты, в первое время знали не все министры и посланники тех государей, которые ее подписали. Читатели поймут, почему столь невыносимо для старого мира дерзким было требование русской революции—опубликовать секретные договоры. Конец тогда был бы разговорам о „виновниках“, не потому, чтобы не было виновных, а потому, что виноваты были *все*—и гораздо больше, чем думали о ком бы то ни было.

Наиболее сенсационные из заключенных царской Россией секретных трактатов были опубликованы тотчас после октябрьской революции, зимою 1917—18 года. Но публикация была сделана наспех, в „газетном“ порядке, без всякого научного аппарата. Сделана была все же превосходно—если принять в расчет, что издателями были нередко рядовые революционеры, профессией которых было делать историю, а не писать ее. В числе этих издателей был, например, простой матрос, товарищ Маркин, трагически погибший потом в борьбе с колчаковцами. Для матроса, повторяем, это был великолепный редактор, политическое значение сделанных им и его товарищами открытий

было колоссально,—но *научное* издание даже этих, опубликованных уже, документов совершенно необходимо. Первые публикаторы о науке не думали, и хорошо делали, ибо, если бы стали и об этом думать, документы по сегодня пролежали бы под спудом.

Напечатано было, однако же, и далеко не *все*. Именно потому, что издателями были люди практики, а не теории, они схватились за то, что практически было ближе, что было понятно всякому без длинных комментариев: за *прямые документы*, во-первых, за документы *не старше вчерашнего дня*, во-вторых. Но документ — это лишь твердый осадок, получившийся после многократного взбалтывания весьма сложной жидкости. Составные элементы этой жидкости больше дадут ученому исследователю, нежели самый тщательный анализ осадка. Иногда то, что выпарилось и без остатка ушло в воздух — или образовало новое химическое соединение, интереснее того, что осталось. При этом эти составные элементы нередко очень давнего происхождения: горючий материал копил десятилетиями, и в общей массе мы найдем „каплю меда“ людей, давно лежавших в могиле, когда начался пожар.

Исходные точки той политики, которая привела династию „Романовых“ в Екатеринбург, лежат в прошлом очень далеко от нас. Древнейшие стадии этой политики уже освещены не только публикацией документов (едва ли всех), но и рядом исследований, русских и заграничных (Уляницкий, Жигарев, Горяинов, Зайончковский в России; Schiessmann, Barst, Charles Roux, Hanotaux за границей). „Тихая сапа“, которую вели русские цари, начиная с Екатерины II, в направлении к Босфору и Дарданеллам, в общем и целом недурно прослежена, примерно, до 1860-х годов. Разрыв русско-французского союза и начало русско-прусского (и то, и другое приходится на один год, 1863-й) являются границей, отделяющей светлый сектор от темноты или, по крайней мере, от полутемноты, (потому что история лондонской конференции 1871 года, благодаря работе Горяинова, сравнительно хорошо известна). На первый взгляд может показаться, что дальше *непрерывной* линии нет. Конечно, *идеологическая* связь русско-турецкой войны 1877—78 гг. или даже и последнего устремления к Дарданеллам, 1914-го и следующих годов, с предшествующим ясна для всякого: но при свете *известных* нам до сих пор документов далее утверждения этой идеологической связи идти было нельзя. Была ли еще и связь организационная? Продолжалась ли та муравьиная работа царской дипломатии, которая, как будто, оборвалась на Парижском мире 1856 года? Кое-какие просветы уже давали возможность догадываться, что продолжалась; теперь безо всяких догадок мы *знаем*, что *не прерывалась ни на минуту*, вплоть до 1896 года. Только с третьего года царствования Николая II ориентация на ближний Восток сменялась ориентацией на Восток дальний; но тотчас же после Цусимы вернулась на старую колею.

От министра Александра III, Гирса, мы знали, что вся внешняя политика отца этого императора преследовала одну цель: аннулировать Парижский мир. Главной причиной этого последнего („минута трусости“, которой не мог забыть Александр II) признавалась *слабость*

Пруссии. Слабая Пруссия, доведенная до этого состояния близорукой политикой Николая I, не давала точки опоры ни против Франции, ни даже против Австрии. Надо было исправить ошибку Николая: для этого Александр II принял участие в превращении Пруссии в Германскую империю. После Кениггреца и Седана можно было не бояться повторения Севастополя: то-есть, *можно было спокойно приняться за продолжение политики Николая I.* Немецкий бивуак на Елисейских полях был прологом к русскому бивуаку перед святой Софией: через два года после взятия пруссаками Парижа эта связь вещей и была закреплена первым из документов, которыми начинается наша серия — русско-германской военной конвенцией 24-го апреля—6-го мая 1873 г.*).

В самом документе нет ни слова о Константинополе — это была ошибка, за которую заплатились берлинским конгрессом. Слишком положились на „честное дворянское слово“ Бисмарка. Колоссальнейшего значения соглашение оказалось беспредметным — ибо на тот предмет, на который оно было нужно Александру II, использовать его было нельзя. Воевать из-за России с *Австрией* Германия отнюдь не была расположена: два года спустя Бисмарк сказал это всеми словами в ответ на телеграмму Александра II. Но это достаточно ясно было уже с самого начала — русско-германскую конвенцию пришлось сразу же дополнить русско-австрийской (25-го мая—6-го июня).

Но, раз пойдя по пути соглашений со своей главной конкуренткой на Балканском полуострове, надо было довести это дело до конца. Отсюда вышла хорошо и давно известная Рейхштадская сделка (дополненная конвенцией 11-го февраля 1877 г.), которой Россия *формально отказывалась от Константинополя*; он подлежал превращению в „вольный город“. Иными словами, Александр II должен был пойти на нейтрализацию проливов. Это было крупное дипломатическое поражение, своего рода Плевна, на год опередившая военную Плевну. Попытка прорваться к заветной цели сквозь всякие конвенции (Сан-Стефанский мир 19/II 1878 г.) дала лишь тот результат, что „повели в участок“. На Берлинском конгрессе Россия вынуждена была принести покаяние и исполнить то, что обещалась. Впечатление было столь горькое, что русско-германский союз на короткое время оборвался.

В 1879 году уже замаячил на горизонте призрак его прямой противоположности: *союза русско-французского.* Бисмарк это понял: призвав военные меры предосторожности (союз с Австрией, позже превратившийся, благодаря присоединению Италии, в „Тройственный“, был заключен в том же 1879 году), он постарался исправить дело и дипломатически. Отсюда вытекли разговоры германского канцлера с Сабуровым и Орловым, и ряд записок первого, вдохновленных этими разговорами. Как осла заставляют идти вперед, показывая ему издали пучок сена, царскую дипломатию опять манили к русско-германскому союзу Константинополем. И хорошо действовала эта старая

*) Секретность этого документа была так велика, что о нем не знал русский посол в Берлине, в 1871—79 гг. Убри.

приманка, впервые пущенная в ход еще Наполеоном по отношению к Александру I! Бисмарк купил ею три конвенции с Россией — 1881, 1884 и 1887 гг.

Но и противная сторона приобрела известный опыт. В 1887 году посланнику Александра III удалось, со своей стороны, поправить ошибку Горчакова. Пролиты были названы не в частном разговоре, а в самой конвенции — в той ее статье, которая представляла, так сказать, секрет в секрете. И что еще лучше, Австрия, хотя уже формальная союзница Германии в это время (чего не было еще в 1873 г.), была формально обойдена в этой сделке. Бисмарк, правда, не обещался на нее напасть: но он обещался не помогать своей союзнице, если та нападет на Россию. Царскому правительству оставалось бы только разыграть, слишком ему знакомую, роль провокатора — и единоборство с наследственным врагом „Романовых“ на пути к Босфору было ему обеспечено.

Александр III, таким образом, не менее неуклонно шел по этому пути, чем его отец и дед: легенда о его „мпротворчестве“ падает раз навсегда. Что помешало ему реализовать сделку 1887 года? Тут мы видим, насколько объективные экономические факторы сильнее всякой идеологии и всяких „традиций“. Николай I мог лечь костью за Константинополь, — потому что в его дни русскому промышленному капитализму нужны были восточные рынки. Во дни Александра III рынок у русского промышленного капитализма был дома, благодаря быстрой пролетаризации русского крестьянства: но русскому предпринимателю нужны были капиталы. А их можно было достать только во Франции — в той Франции, которая оказывалась возможной противницей Александра III в силу конвенции 1887 года. Но политический союз не может идти поперек дороги экономической связи: за непонимание этой истины в свое время дорого заплатился Павел I. Его, так похожий на него лицом, правнук научился быть осторожнее: Александр III с непокрытой головой слушал Марсельезу, а договор „с двойным дном“ остался на дне архивов.

Документы, иллюстрирующие возникновение русско-французского союза, мы опубликуем в следующей книге „Красного Архива“. Здесь систематическую публикацию мы останавливаем на 1887 году. Сам трактат с „двойным дном“ уже известен (хотя воспроизведения полного и подлинного его текста нам не приходилось видеть в печати). Интереснее самого документа те разговоры, которые по поводу него Шувалов вел с Бисмарком. Они появляются в печати, несомненно, впервые и представляют ценнейшее дополнение к III тому мемуаров Бисмарка (недавно вышедшему), где этот вопрос, к сожалению, обойден полным молчанием.

В качестве любопытного „эхо“ этих переговоров мы печатаем несколько бумаг, не дипломатического, а военно-полицейского характера, относящихся к 1897 году и свидетельствующих, что Николай II и его министры считали русско-германскую сделку действительной и после заключения русско-французского союза, и после исчезновения со сцены Бисмарка. *О попытке захватить Босфор в 1897 году мы уже*

знаем из „Воспоминаний“ Витте (т. I, стр. 88—92). Витте относит дело к 1896 году, когда оно, по видимому, началось. Наши документы подтверждают полную реальность рассказанного Витте,—но ответа на поставленный им вопрос: „что помешало?“ и они не дают. Помехой явилась, вероятно, вообще нелепость предприятия в данный момент и в данных условиях. Но кто демонстрировал эту нелепость достаточно ясно даже для Николая II-го? Быть может, на это ответят русско-французские документы этого года, хранящиеся в неразобранной еще части старого Государственного Архива (только летом 1921 г. перевезенного в Москву из Кирилло-Белозерского монастыря, куда он был эвакуирован при Керенском).

В виде заключения мы поместили в подлиннике ту переписку между русским министерством иностранным и русским посольством в Берлине, которая дала главный материал для фабрикация „Оранжевой книги“ 1914 года о возникновении русско-германской войны. Повторяем, все такие документы в „предыстории“ войны имеют второстепенное значение. Но так как могут еще найтись люди, относящиеся к разноцветным книгам вполне серьезно, не мешает их посвятить в тайну той кухни, на которой эти книги приготавливаются. Читатели увидят, как тщательно устранилось из документов, при их опубликовании в „Оранжевой книге“, все, что могло бы „испортить впечатление“—извинения, например, германского правительства по поводу манифестаций перед русским посольством—как завастривались все слишком „неопределенные“ для русских целей фразы германских дипломатов, как, наконец, попросту опускались целые—и важнейшие—депеш, предназначенные не для публички. Такова, например, циническая телеграмма Сазонова от 17/30 июля, предупреждавшая русских послов за границей, что никакие попытки Германии смягчить конфликт не остановят русских вооружений. В опубликованном царским правительством тексте нет, конечно, и следа этого документа.

М. Покровский.

Copie d'un rapport présenté au Chancelier Prince Gortchakow par le Conseiller Privé Strémooukhow, en date du 18 Avril 1873.

1873.

I.

Le Prince de Bismarck m'ayant fait inviter, par l'entremise du Prince de Reuss, à venir chez lui Lundi, à 10 heures du soir, je me suis empressé de me rendre au Palais. Arrivé là, j'appris que le Comte Moltke se trouvait chez lui en tête à tête, depuis plus d'une heure; mais peu après le feldmaréchal est parti et le Prince me fit entrer dans son cabinet.

Je crois devoir porter à la connaissance de Votre Altesse un résumé de notre entretien qui a duré un peu moins de deux heures.

Le Prince exprima d'abord le plaisir qu'il ressentait à revoir cette capitale, et à ce propos il fit une comparaison assez caractéristique: il compara sa vue à l'effet d'un fusil à aiguille et sa mémoire à un fusil à silex faisant parfois long feu, parce que ses yeux lui disent de suite qu'il avait devant lui d'anciennes connaissances, mais sa mémoire était bien lente à lui rappeler les noms de ces personnes.

À ce propos, il dit que la mémoire est une faculté héréditaire, surtout chez les souverains, et que la mémoire remarquable que possède notre Auguste Maître fait certainement partie de l'héritage de feu l'Empereur Nicolas.

Je lui recommandai de se faire lire les fragments des lettres que le défunt Empereur avait adressées, lors de la guerre de Crimée, aux Princes Menchikow et Gortchakow et qui viennent d'être publiées par l'Invalide; j'exprimai l'assurance que cette lecture ne manquerait pas de l'intéresser, parce que ces fragments fournissaient des preuves touchantes de la bonté de cœur et de l'élevation de la pensée de Sa Majesté.

Le Prince répondit: je lirai bien certainement ces fragments; j'ai toujours été un admirateur chaleureux de ce Monarque, qui, toute Sa vie, avait été la personnification de la loyauté et l'esclave dévoué et sincère de Son devoir. Ce qui m'a toujours fait de la peine, c'est qu'il n'était pas aussi populaire parmi les Allemands qu'il le méritait. Vous savez certainement que c'est Ollmutz qui en a été la cause, mais je Vous expliquerai ce qui s'est passé à Ollmutz.—L'Empereur Nicolas, malgré l'influence occulte de Metternich, était bien le chef réel de la Sainte Alliance. Considérant cette ligue comme la base salutaire et essentielle de toute l'Europe, il croyait devoir Se préparer de Son vivant un succes-